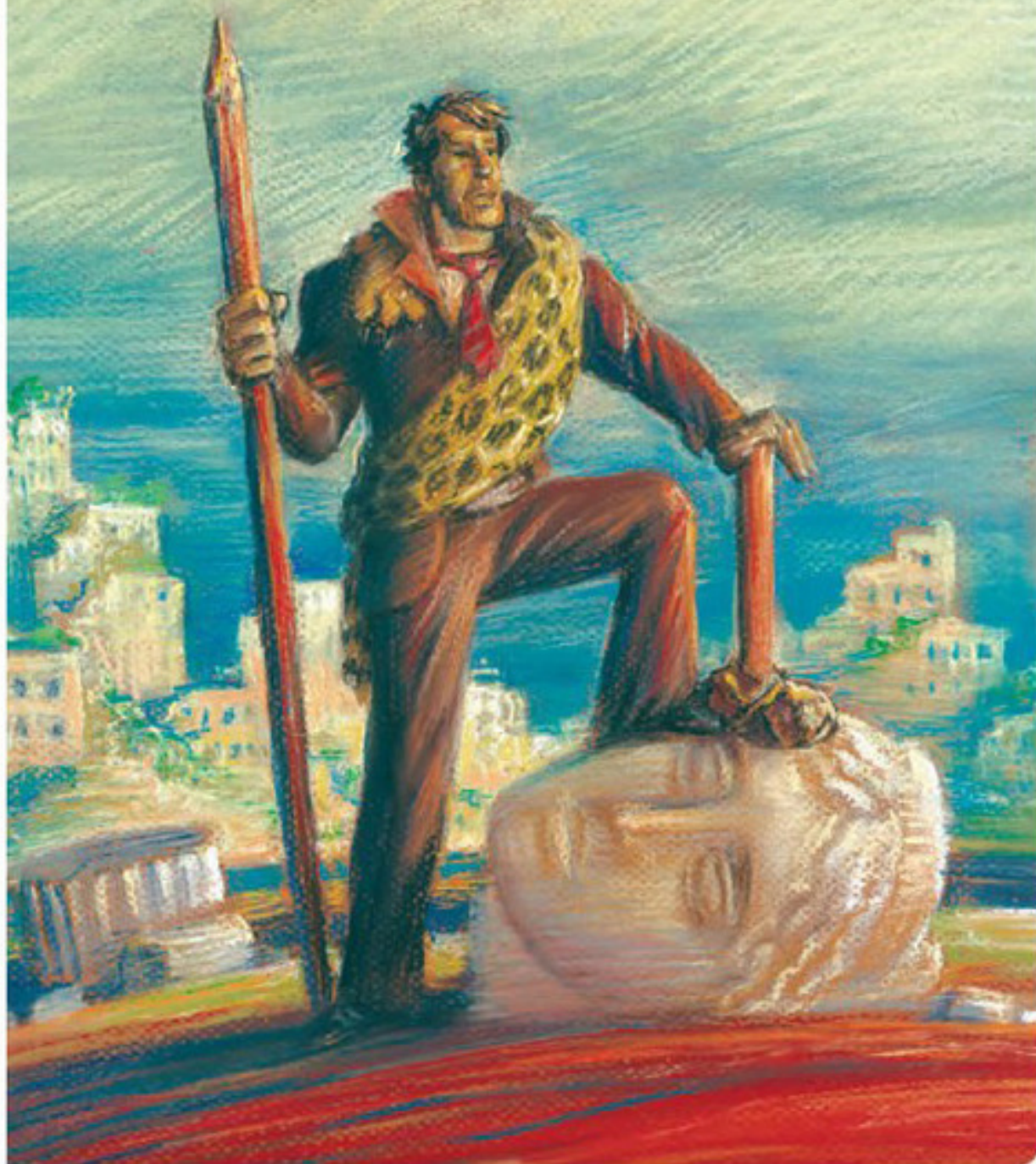

Айн Рэнд

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИМИТИВА

Антииндустриальная революция

Айн Рэнд

**Возвращение примитива.
Антииндустриальная революция**

«Альпина Диджитал»

1970

Рэнд А.

Возвращение примитива. Антииндустриальная революция /
А. Рэнд — «Альпина Диджитал», 1970

Кого выпускает современная средняя и высшая школа – независимых, творческих, сильных профессионалов или слабых, безликих невротиков-невежд? Что такое мультикультурность: попытка сделать мир более справедливым, разнообразным и ярким или уступка дикости нецивилизованных народов и шаг назад на пути к прогрессу? Чего на самом деле добиваются зеленые движения, маскируя под лозунгами о защите природы желание вновь загнать человека в прокрустово ложе страха и беспомощности? На эти и другие провокационные вопросы Айн Рэнд отвечает со свойственными ей бескомпромиссностью и мощными аргументами, заручившись поддержкой своего союзника – разума.

© Рэнд А., 1970

© Альпина Диджитал, 1970

Содержание

Предисловие Питера Шварца, редактора	6
Предисловие Айн Рэнд	9
Часть I	11
1. Выгодное дело: студенческие волнения	11
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Айн Рэнд

Возвращение примитива.

Антииндустриальная революция

Редактор *Ю. Быстрова*

Руководитель проекта *Е. Гулитова*

Корректор *О. Ильинская*

Компьютерная верстка *М. Поташкин*

Дизайн обложки *DesignDepot*

Иллюстратор *В. Васильев*

© Ayn Rand 1970, 1971

© The Objectivist Inc., 1969, 1970, 1971

© The New York Times Company, 1968

© Peter Schwartz, 1999

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина», 2011

Издано при содействии Curtis Brown и литературного агентства «Синописис»

© Электронное издание. ООО «Альпина», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие Питера Шварца, редактора

Когда в 1971 году вышло первое издание этой книги, казалось, что бастионы цивилизации вот-вот рухнут. Это было время «новых левых» – время организованной жестокости, воинствующей эмоциональности и открытого, наглого нигилизма. Это было время, когда кампусы колледжей захватили отморозки с лозунгами «За свободу слова!». Время, когда в корпоративные здания и призывные пункты врываются партизаны, требующие «Мира немедленно!». Эпоха психоделических «детей цветов» и «народных армий», Тимоти Лири, Эбби Хоффмана и Чарльза Мэнсона, театра абсурда и «Черных пантер».

Источником всего этого безумия было движение, с трудом поддающееся определению. Его врагами были все и всё американское; его героями – диктаторы-убийцы типа Хо Ши Мина и Фиделя Кастро; его целью – разрушение всего подряд; однако комментаторы-интеллектуалы объявляли его лидеров идеалистами, защищающими личность от подавления государственной системой.

Американское общество оказалось в осаде, совершенно ошеломленное происходящим. Оно отступало, не понимая, принять это или сопротивляться этому натиску – натиску, принятому во имя цели, которую никто не мог назвать.

Это удалось Айн Рэнд.

В статьях, помещенных в книгу, она идентифицирует идеологическую сущность этого бунта. Она объясняет, как «революционеры» того движения добросовестно осуществляли на практике идеи, которые им внушило старшее поколение. Она показывает, что «новые левые» – это отпрыски идеологов истеблишмента и направленных против разума, против личности, против капитализма доктрин.

Все эти доктрины в 1960-е годы объединились под знаменем непримиримой ненависти к одному врагу – индустриализации. Новые левые объявили, что Запад прогнил и его влияние необходимо уничтожить путем отказа от технологий. Людям предлагалось отказаться от своих автомобилей и торговых центров, кондиционеров и атомных электростанций.

В этом и состояла отличительная черта нового левого движения. Его сторонники откровенно защищали то, что коллективисты более раннего периода не спешили признавать – даже для себя – частью своей философии.

«Активисты нового левого движения, – писала Айн Рэнд, – стали ближе [чем были старые левые] к раскрытию своих истинных мотивов: они не хотят забрать заводы себе, они хотят уничтожить технологии в целом».

Хотя «антииндустриальная революция» «новых левых» не увенчалась успехом, она подготовила почву для продолжающихся атак на рациональное мышление и его продукты. Айн Рэнд, описывая студенческих вожakov из «новых левых», говорила о том, что:

«пусть студенческий бунт и не вызвал симпатии у широкой публики, но в этой ситуации наиболее зловещим выглядит тот факт, что у него не нашлось никакой идеологической оппозиции», что «лежащий впереди путь свободен, и на нем не видно никаких интеллектуальных баррикад», и что «битва еще не окончена».

Это действительно так.

Войну сегодня ведут два культурных направления, которые выступают против достижений – материальных и интеллектуальных – западной цивилизации, и их пропаганда весьма заразна. Первое из этих направлений – защитники окружающей среды; второе – мультикультуралисты. И те и другие проповедуют необходимость нового примитивизма.

Согласно «Оксфордскому словарю английского языка», примитивное – это «относящееся или принадлежащее к первоначальной эпохе, периоду или стадии; свойственное начальным ступеням развития...» В отношении человеческого развития примитивизм – это стадия доразумного существования. Это период, когда люди жили в благоговейном страхе перед вселенной, которой не в состоянии были понять. Примитивный человек не знал закона причинности. Он не осознавал того факта, что природа подчиняется своим законам и что человек, открывший эти законы, может управлять ею. Для примитивного, первобытного человека существовало только таинственное сверхъестественное. Солнечный свет, ночная тьма, дождь, засуха, гром, уханье совы – все это было необъяснимо, зловеще и священно для него. Человек с такой неконцептуальной ментальностью метафизически подчинен природе, которой нельзя управлять, а можно лишь смиренно покоряться.

Вот к такому состоянию мышления хотят вернуть нас зеленые.

Если первобытный человек считал мир непознаваемым, то как он выбирал, во что верить и что делать? Поскольку эти знания не даются от рождения, к чему он обращался за руководящими указаниями? К своему племени. Только членство в коллективе дает такой личности единственно возможное для нее чувство самоидентичности. Таким образом, для первобытного человека непрерываемым авторитетом становилось решение племени, а главной ценностью – его благополучие.

К такому состоянию мышления хотят вернуть нас мультикультуралисты. Они считают, что основная единица существования – это племя, которое они определяют по самым грубым, самым примитивным, самым антиконцептуальным критериям (таким, как цвет кожи). Они последовательно отрицают, что достижения западной – то есть индивидуалистической – цивилизации представляют способ существования, высший по отношению к первобытно-общинному племенному строю.

И зеленые, и мультикультуралисты мечтают уничтожить ценности рациональной, индустриальной эпохи. Все это отпрыски нового левого движения, рьяно продолжающие его кампанию по принесению прогресса в жертву примитивизму.

Это расширенное издание книги «Новые левые» (The New Left) было подготовлено с целью анализа философского наследия новых левых.

Я сохранил все содержимое оригинального издания и добавил собственные статьи об экологическом движении, мультикультурализме и феминизме. Из-за того, что мультикультуралисты создают полнейшую путаницу в вопросе природы расизма и «национальности», я решил включить сюда еще две статьи Айн Рэнд, посвященные этим проблемам, – «Расизм» и «Глобальная балканизация», – хотя они уже публиковались ранее: первая – в сборнике «Добродетель эгоизма» (The Virtue of Selfishness¹), вторая – в «Голосе разума» (The Voice of Reason).

Результатом стало собрание статей, определяющих, объясняющих и оценивающих различные проявления одного явления – антииндустриальной революции.

Вы, вероятно, испытаете некоторый шок, когда воочию увидите, насколько идеи новых левых прижились в сегодняшнем обществе, и более того – уже перестали порождать дискуссии. Новые левые больше не заявляют о себе во всеуслышание, однако их учение пустило глубокие корни.

К примеру, в 1960-е происходили непрекращающиеся, отчаянные дебаты и столкновения между корпорациями и призывающими «назад к природе» хиппи по поводу загрязнения окружающей среды и вторичной переработки отходов. Сегодня День Земли – ежегодное культурное событие, поддерживаемое крупным бизнесом; сегодня бесчисленное множество продуктов рекламируется как «экологичные» (например, гамбургеры в McDonald's, которые, по уверению компании, изготавливаются из мяса исключительно тех коров, которые не наносили

¹ Рэнд А. Добродетель эгоизма. – М.: Альпина Паблишерз, 2011.

вреда «влажным тропическим лесам»); сегодня главные злодеи в детских мультиках – не уголовные преступники, а жадные лесорубы; а в большинстве штатов, согласно репортажу в *The New York Times*, «от школ требуется вводить экологические концепции практически во все предметы на всех уровнях обучения».

В 1960-е студенты силой захватывали помещения администраций своих учебных заведений, требуя введения курсов по «африканским наукам». Сегодня в любом крупном университете существуют полноценные факультеты (и кое-где даже специальные общежития и кафе) для разнообразных этнических направлений. Сегодня на смену группам яростных бунтовщиков, устраивавших сидячие забастовки, пришли мирные «комитеты по разнообразию», подчинившие кампусы своим авторитарным правилам и приговаривающие «политически некорректных» еретиков к заключению в темницах семинаров по перевоспитанию.

Эта перемена стала результатом не интеллектуального превосходства и убедительности аргументов ее сторонников, а интеллектуальной пустоты ее противников. Антииндустриальные революционеры победили только лишь благодаря отсутствию оппонентов. Как писала Айн Рэнд:

«Сегодняшние нелепости, против которых никто не возражает, превратятся в общепринятые лозунги завтра. Они будут приниматься постепенно, по частям, по прецеденту, по общему смыслу, по недопониманию, по умолчанию, благодаря постоянному давлению с одной стороны и постоянных уступок с другой – пока не наступит день, когда они будут провозглашены официальной идеологией государства. Именно таким образом оказался принят в нашей стране тоталитарный строй государства всеобщего благосостояния».

И точно таким же путем будут приняты обществом мультикультурализм и движение зеленых. Однако победа этих исподволь просачивающихся в нашу жизнь идей вовсе не predetermined. Можно и категорически нужно противостоять тому абсурду, которым сегодня становится возрождение примитивизма. Но с ним нельзя бороться стандартными консервативными методами, нельзя говорить о том, что это хорошие идеи, просто, «увы, их адепты слишком далеко зашли». Эта битва требует бескомпромиссной верности рациональным ценностям – и безоговорочного неприятия нового примитивизма как иррационального по сути своей.

Надеюсь, что эта книга поможет людям обрести интеллектуальное оружие и моральную убежденность, необходимые для того, чтобы подняться на эту битву.

Январь 1998 г.

Предисловие Айн Рэнд

Примерно год назад я получила вот такое письмо от читателя, с которым лично не была знакома:

«Дорогая мисс Рэнд!

Я учусь в магистратуре по специальности «социология» в Университете Северного Иллинойса и изучаю объективизм...

Я решил написать Вам потому, что хотелось бы обсудить с Вами Ваши работы, посвященные новому левому движению. Я прочел их все, и, на мой взгляд, в них содержится наилучший критический анализ проблемы из всего, что было написано по этому поводу. Ваши последние статьи "Левые: старые и новые", "Аполлон и Дионис", а также недавняя статья в *The New York Times Sunday Magazine*, "Новые левые как представители интеллектуального вакуума", просто превосходны. Недавно я перечитал Вашу статью "Выгодное дело: студенческие волнения", опубликованную в 1965 году, и был поражен тем, каким точным и пророческим оказался сделанный Вами тогда анализ.

После прочтения этих статей я подумал, что, если бы они были собраны вместе и изданы (то есть распространены в виде сборника издательством Signet), они могли бы оказать значительное воздействие на культуру, а особенно на студенческие кампусы.

Мисс Рэнд, я искренне надеюсь, что Вы отнесетесь к моему предложению издать такую книгу серьезно. Поверьте мне, ни один анализ новых левых не может сравниться с тем, что опубликовано вами в *The Objectivist*. Если бы эта книга была издана Signet... как другие Ваши произведения, она оказалась бы почти в каждом киоске и каждом университетском книжном магазине. Ведь в большинстве книжных магазинов на территории колледжей литературе о новых левых студенческих волнениях отведены специальные секции. Значит, Ваша книга была бы достойно представлена. Издание и распространение этой книги среди студентов колледжей могли бы оказаться поворотным моментом в жизни тех, кто прочитал бы ее. Это был бы голос разума, к которому студенты должны были бы прислушаться. Это дало бы им то интеллектуальное оружие, которого им не найти больше нигде...

Искренне Ваш,
Г.М.Б.».

Как правило, я не люблю практические рекомендации от читателей. Но эта идея была настолько удачной и настолько убедительно представленной, что я показала это письмо моим издателям, которые от всей души поддержали его автора. Вот так получилась эта книга – с моей благодарностью мистеру Г.М.Б.

Ее назначение ясно сформулировано в его письме: книга предназначена для студентов колледжей – для тех из них, кому действительно нужен «голос разума, к которому можно прислушаться». Но также она предназначена и для всех тех, кого волнует положение в студенческой среде и состояние современного образования.

Выход книги в свет был намеренно несколько отложен, потому что я хотела включить в нее две статьи, которые задумывала в тот момент и которые относятся к той же тематике («Антииндустриальная революция» и «Компрачикос»). Статью «Выгодное дело: студенческие волнения» (впервые опубликованную в *The Objectivist Newsletter*) я включила в этот сборник, чтобы читатели сами могли вынести оценку точности моего понимания философского смысла, целей и источников тех событий.

Все остальные статьи этого сборника, за одним исключением, впервые увидели свет в моем журнале *The Objectivist*. В конце каждой указана дата выхода соответствующего номера.

Единственное исключение – это коротенькая заметка, которая была напечатана в *The New York Times Magazine*.

Нью-Йорк

Апрель 1971 г.

Часть I Образование

1. Выгодное дело: студенческие волнения

Айн Рэнд

Так называемые студенческие волнения, которым положил начало и задавал тон Калифорнийский университет в Беркли, имели весьма важное значение, но не такое, какое приписывали им большинство комментаторов. А природа этого неправильного понимания не менее важна, чем само явление.

События в Беркли начались осенью 1964 года с протеста студентов против предписания администрации университета, в котором был установлен запрет на политическую деятельность, в частности на вербовку сторонников, сбор средств и создание студенческих организаций для проведения политических мероприятий за пределами университетского городка – внутри территории, примыкающей к кампусу и принадлежащей университету. Заявив, что их права были нарушены, небольшая группа «бунтовщиков» объединила вокруг себя тысячи студентов самых разных политических взглядов, в том числе и многих «консерваторов», и нарекла свою организацию «Движением за свободу слова» (Free Speech Movement, F.S.M.). «Движение» стало устраивать сидячие забастовки в здании администрации, нападать на полицейских, захватывать полицейские автомобили, чтобы использовать их в качестве трибуны.

Дух, стиль и тактика этого бунта лучше всего иллюстрируется одним эпизодом. Администрация университета организовала встречу, на которую пришло 18 000 студентов и преподавателей для того, чтобы выслушать обращение президента университета Кларка Керра; было особо объявлено, что никому из студенческих деятелей не будет разрешено выступать. Керр попытался положить волнениям конец, согласившись на капитуляцию: он обещал выполнить почти все требования бунтовщиков, и казалось, что большая часть аудитории на его стороне. После этого Марио Савио, лидер бунтовщиков, завладел микрофоном, пытаясь склонить чашу весов на свою сторону, игнорируя установленные правила и тот факт, что уже было объявлено о завершении собрания. Когда его – совершенно законным и порядочным образом – стащили со сцены, лидеры F.S.M. радостно заявили, что, уже почти проиграв битву, они спасли положение, спровоцировав администрацию на применение «силы» (таким образом открыто признав, что их публично провозглашенные цели вовсе не были истинными).

За этим последовала широкомасштабная кампания в прессе. Внезапно и как будто бы независимо друг от друга появилось огромное количество статей, исследований, обзоров, странным образом выражавших одно и то же: F.S.M. описывалась как общенациональное движение, что не подкреплялось никакими фактами; подлинные события подменялись какими-то общими местами; бунтовщикам придавался статус выразителей идей всей американской молодежи, при этом выражалось восхищение их «идеализмом» и «преданностью» своим политическим убеждениям, их деятельность объявлялась симптомом «пробуждения» студентов колледжей от «политической апатии». Одним словом, пресса проделала огромную работу, рекламировав движение.

Тем временем в Беркли разгорелась нешуточная трехсторонняя война между администрацией университета, попечительским советом и сотрудниками. В прессе эта война освещалась настолько схематично, что распознать ее истинный смысл было практически невозможно. Можно было догадаться лишь о том, что попечительский совет вроде бы требовал «жестких» мер по отношению к бунтовщикам, что основная часть сотрудников и научных работников

была на стороне взбунтовавшихся студентов, а администрация попала в ловушку собственной «умеренности», пытаясь всех помирить.

Борьба привела к тому, что ректор университета был отправлен в отставку (как того требовали бунтовщики), президент Керр был временно отстранен от должности, но впоследствии вернулся на свой пост, а F.S.M. практически прекратила свою деятельность после того, как администрация выполнила почти все их требования. (В том числе право на выступления в поддержку противоправных действий и на неограниченную свободу слова *на территории университета*.)

К удивлению тех, кто наивно полагал, что этим все и закончится, волнения не прекратились: чем больше требований удовлетворялось, тем больше выдвигалось новых. Администрация продолжала пытаться убажить F.S.M., а F.S.M. продолжала свои провокации. Неограниченная свобода слова приняла форму «Движения за непристойные выражения», которое состояло из студентов, выходивших на демонстрации с плакатами, на которых были написаны бранные слова, и делавших неприличные объявления по университетской радиосети (что было лишь вскользь отмечено прессой, снисходительно назвавшей все это не более чем «подростковыми шалостями»).

Но все это было, очевидно, слишком даже для тех, кто симпатизировал бунтовщикам, — F.S.M. начала терять своих сторонников и постепенно развалилась. Марио Савио покинул университет, заявив, что «не может примириться с *антидемократическими* действиями администрации» (курсив мой — А.Р.), и куда-то уехал, якобы планируя заняться организацией общенационального студенческого движения.

Я привела факты в том виде, как они были изложены прессой. Но кое-что стало возможно узнать и от добровольных информаторов, например из писем в редакции различных изданий.

Подробный отчет о происходящем был приведен в письме в *The New York Times* (31 марта 1965 года) Александра Грендона, биофизика из лаборатории Доннера Калифорнийского университета:

«F.S.M. всегда применяло давление для достижения победы. При однопартийной "демократии", такой как в коммунистических странах или на белом Юге, политических противников принято убеждать наказанием. Для упрямой администрации университета (и для более чем 20 000 студентов, не пожелавших принимать участие в конфликте) таким наказанием стало "принуждение всего университета к аварийному торможению" путем грубой силы.

Капитулировать перед таким извращением демократии — значит учить студентов тому, что такие методы правильны. Президент Керр капитулировал дважды...

Керр согласился с тем, что университет не будет контролировать "выступления в поддержку противоправных действий"; это кажется абстракцией, пока не столкнешься с конкретными примерами: в университетской аудитории какой-то самозванный анархист учил всех желающих тому, как избежать призыва в армию; известный член коммунистической партии использовал университетские помещения и оборудование для яростных нападок на наше правительство за его действия во Вьетнаме, наряду с созданием нелегальных фондов в поддержку Вьетконга; в университетском кампусе велась открытая пропаганда употребления марихуаны, сопровождаемая инструкциями о том, где ее можно купить.

Даже такое абстрактное понятие, как "непристойность", гораздо проще понять, если слышал, как один оратор, используя университетское оборудование, в грубых выражениях рассказывает о том, как занимался

групповым или однополым сексом, и рекомендует всем остальным последовать его примеру, а другой предлагает, чтобы студенты в кампусе обладали такой же сексуальной свободой, как собаки...

"Переговоры" – а на самом деле капитуляция – Кларка Керра по поводу каждого намеренного нарушения установленного порядка способствуют не либерализации, а воцарению полного беззакония в университете».

Дэвид Лэндс, профессор истории из Гарварда, в своем письме в *The New York Times* (29 декабря 1964 года) сделал любопытное наблюдение. Утверждая, что волнения в Беркли представляют собой чрезвычайно серьезный выпад против академических свобод в Америке, он пишет:

«В заключение мне хотелось бы отметить негативные последствия происходящего для всего Калифорнийского университета. Я лично знаком с пятью или шестью сотрудниками, которые уволились оттуда не потому, что не симпатизируют "свободе слова" или "политическим акциям", а потому, что, как сказал один из них: "Кому охота преподавать в Сайгонском университете?"»

Наиболее точный отчет и серьезная оценка происходящему были даны в статье в *Columbia University Forum* (весна 1965 года) под названием «Что осталось в Беркли?» (*What's Left In Berkeley?*), которую написал профессор истории Калифорнийского университета Уильям Петерсен. Он замечает:

«Первое, что должен знать каждый насчет "Движения за свободу слова", – это то, что оно не имело к настоящей свободе слова практически никакого отношения... Но если оно боролось не за свободу слова, тогда за что же? В первую очередь, как бы нелепо это ни звучало, – за власть...

Тот факт, что лишь несколькими сотням из более чем 27 000 студентов удалось добиться таких успехов, стал следствием не просто отваги и ораторских способностей. Эта маленькая группа не смогла бы вовлечь такое количество студентов в свое движение, если бы не поддержка, как выяснилось, еще из трех источников: различных лиц за пределами университета, университетской администрации и научных сотрудников.

Все, кто был свидетелем высокоэффективной, почти военной организации программы агитаторов, вполне мог поверить в то, что в противостояние в Беркли был внесен серьезный кадровый и денежный вклад... Вокруг университета будто бы из ниоткуда появилось не меньше дюжины "комитетов в поддержку" того или иного требования.

Курс, взятый университетской администрацией, вряд ли мог бы быть более на руку взбунтовавшимся студентам, даже если бы специально был нацелен на это. Устанавливать сомнительные правила, а потом защищать их с абсолютно нелогичных позиций – уже плохо; но еще хуже, что все санкции, вводимые университетом против студентов, в конце концов исчезали... Подчинение нормам развивается тогда, когда оно должным образом вознаграждается, а неподчинение наказывается. То, что приходится напоминать профессиональным деятелям образования о таких аксиомах, доказывает, насколько глубоко лежат корни кризиса в Беркли.

Но самой главной причиной того, что экстремистам удалось склонить на свою сторону такое количество последователей, – это отношение к ситуации сотрудников университета. Наверное, полнее всего их пораженческие настроения выразились в резолюции ученого совета от 8 декабря, когда

сотрудники университета объявили о том, что они не только поддерживают все требования радикалов, но и готовы отстаивать их перед попечительским советом, если это будет необходимо. Принятие этой резолюции подавляющим большинством голосов – 824 против 115 – заткнуло рот всем организациям, не поддерживавшим F.S.M.

"Движение за свободу слова" напоминает коммунистические организации 30-х годов, но у них есть ряд существенных отличий. Главная черта – использование законных средств с целью манипулирования широкими массами – у них общая. Однако в данном случае ядро движения – это не дисциплинированная партия коммунистов, а объединение разнокалиберных радикальных группировок».

Профессор Петерсен перечисляет здесь различные группировки социалистического, троцкистского, коммунистического и прочего толка. А далее заключает:

«Лидеры Беркли, подобно радикалам из латиноамериканских или азиатских университетов, не становятся менее радикальными оттого, что не принадлежат ни к какой официальной политической партии, где существует определенная внутрипартийная дисциплина. Они выделяются не своей партийной принадлежностью, а своими действиями, своей лексикой, своим образом мышления. На мой взгляд, лучше всего было бы именовать их "кастровцами". В Беркли провокационные методы применялись не против диктатуры, а против либеральной, не имеющей единого мнения и колеблющейся администрации университета, и в этом случае оказались удивительно эффективными. Каждая провокация и каждая одержанная победа вели к следующим».

Петерсен заканчивает свою статью на предостерегающей ноте:

«По моему диагнозу... пациент [университет] не только не излечился, но болен еще сильнее, чем ранее. Лихорадка на время спала, но инфекция распространяется и становится еще более живучей и опасной».

Теперь давайте рассмотрим идеологию бунтовщиков на основании того, что стало известно из репортажей в прессе. Общий тон этих репортажей лучше всего выражает заголовок в *The New York Times* от 15 марта 1965 года: «Новые левые студенты: Движение выявило серьезных лидеров, стремящихся к переменам».

К каким переменам? В статье, занимающей почти всю полосу, на этот вопрос не дается никакого конкретного ответа. Просто «к переменам».

Некоторые из тех активистов, «которые уподобляют свое движение "революции", хотят, чтобы их называли радикалами. Однако большинство предпочитает, чтобы их звали "организаторами"».

Кого же они организуют? «Угнетенных». С какой целью? Неясно. Они просто «организаторы».

«Очень многие недолюбливают любые ярлыки, но при этом не против, чтобы их называли циниками... Подавляющее большинство тех, кому мы задавали вопросы, сказали, что они скептически относятся к коммунизму, равно как и к любым другим формам политического контроля... "Вы можете называть нас антикоммунистами, – сказал один из них, – а также антиморалистами и антивсем, чем угодно».

Однако есть и исключения. Студентка Калифорнийского университета, одна из руководителей волнений в Беркли, якобы выразилась таким образом:

«В настоящее время социалистические страны, даже со всеми их проблемами, ближе, чем кто угодно еще, подошли к тому типу общества, который, как я думаю, должен существовать во всем мире. В Советском Союзе такое общество уже существует».

Другой студент из Нью-Йорка поддерживает это высказывание. «Советский Союз и весь социалистический блок на верном пути», – говорит он.

Ввиду того что большинство молодых активистов выступало именно за гражданские права и что калифорнийские бунтовщики тоже вначале прикрывались именно этим (попытавшись, правда, безрезультатно, объявить всех тех, кто был с ними не согласен, сторонниками «расизма»), очень любопытно читать в газете следующее:

«Среди активистов редко можно услышать разговоры о расовой интеграции. Некоторые из них считают, что все это – дело прошлое. Они заявляют, что интеграция будет почти так же плоха, как и сегрегация, если ее результатом будет возникновение всем довольного общества без расовых конфликтов, опирающегося на средний класс».

Главная тема и главная идеология активистов – это *антиидеология*. Они отчаянно сопротивляются любым «ярлыкам», определениям и теориям; они провозглашают первостепенную значимость конкретного момента и преданность действию – субъективно и эмоционально мотивированному действию. Их настрой пронизывает красной нитью все журналистские репортажи.

В статье в *The New York Times Magazine* (14 февраля 1965 года) заявлено:

«Бунтовщики из Беркли не производят впечатления политических в том смысле, какими были участники студенческих волнений тридцатых годов. Они со слишком большим недоверием относятся к любым "взрослым" институтам, чтобы принять всем сердцем даже ту идеологию, которая провозглашает своей целью разрушение системы. Анархистские настроения прослеживаются у них так же явно, как и симпатии к марксизму. "Это некая форма политического экзистенциализма, – говорит Пол Джейкобс, исследователь из университетского Центра изучения права и общества, один из тех, кто поддержал F.S.M. – Все старые ярлыки сорваны..."

С гордостью объявляющие о своей нетерпимости сторонники F.S.M. исповедуют подход, согласно которому только абсолютная преданность какому-то делу может освободить жизнь на такой огромной "фабрике знаний", как Беркли, от пустоты и отсутствия смысла».

The Saturday Evening Post (8 мая 1965 года), обсуждая разнообразные молодежные группировки левого толка, цитирует лидера организации «Студенты за демократическое общество»:

«Мы начинаем с отречения от старого сектантского левого фланга и его традиционных ссор и с презрения к американскому обществу, которое считаем полностью развращенным. Для нас интересны прямое действие и конкретные проблемы. Мы не проводим бесконечные часы, обсуждая сущность Советской России или то, является ли Югославия упадническим государством". [А также]: "В сидячих забастовках мы впервые увидели шанс на непосредственное участие в имеющей смысл социальной революции".

В часы, свободные от участия в пикетах [говорится в той же самой статье], члены Р. Л. [«Прогрессивных рабочих»] околачиваются в

экспериментальных театрах и кофейнях на Манхэттене. Их литературные вкусы больше склоняются к Сартру, чем к Марксу».

С любопытным единодушием в обзоре журнала *Newsweek* (12 марта 1965 года) приводятся слова другого молодого человека: «"Эти студенты не читают Маркса, – сказал один из лидеров "Движения за студенческую свободу" из Беркли. – Они читают Камю"».

«Если они – бунтовщики, – говорится далее в обзоре, – то это бунтовщики без идеологии, без долгосрочной революционной программы. Они заняты конкретными делами, а не философскими умозаключениями и вряд ли способны сформулировать или последовательно выступить за какую-либо систематизированную политическую теорию, неважно, правую или левую».

«Сегодняшние студенты стараются выразить себя не через мысли, а через действия», – категорично заявлено в статье, а дальше приводятся слова представителей старшего поколения, симпатизирующих студенческим активистам.

«"Сейчас, как и в 30-е, – говорит редактор *New York Post* Джеймс Векслер, – мы видим группы активистов, которые хотят чего-то добиться в жизни. – Но не идеологически. Мы привыкли собираться и обсуждать марксизм, а сегодня студенты выступают за гражданские права и мир, действуя"».

Ричард Ансворт, капеллан из Дартмута, высказался так:

«В современном университете "принято сначала делать, а потом раздумывать о своих действиях, а не сначала решать, а потом думать, как это было еще несколько лет назад"».

Пол Гудман, которого журнал называет писателем, деятелем образования и «одним из героев современного студенчества», восторженно высказывается о волнениях в Беркли и их лидерах, потому что:

«Лидеры этого движения, говорит он, "не были хладнокровны, они шли на риск, они были готовы оказаться в тупике, они не знали, ждет ли их успех или поражение. Они больше не хотят быть хладнокровными мыслителями, они хотят быть первыми"». (Курсив мой. То же самое можно сказать и о любом пьяном водителе. – А.Р.)

Слова «быть первыми» повторяются снова и снова. Очевидно, для начала они хотели стать первыми в университетах. В *The New York Times Magazine* приводятся слова одного из лидеров F.S.M.:

«Мы считаем, что любой университет состоит из преподавателей, студентов, книг и идей. В буквальном смысле администрация нужна лишь для того, чтобы обеспечивать чистоту дорожек. Она должна обслуживать преподавателей и студентов».

Кульминацией этой темы стала статья в *The New York Times* от 29 марта 1965 года под заголовком «Студенты колледжей принимают "Билль о правах"».

«Группа студентов из восточных колледжей в эти выходные объявила здесь [в Филадельфии], что функции администрации колледжей должны сводиться лишь к обслуживанию быта студентов и научных работников.

"Современный колледж или университет, – сказали они, – должен управляться студентами и преподавателями; администрация должна лишь

обеспечивать функционирование и безопасность, во всем поддерживая преподавательский и студенческий состав"».

Этот манифест был принят на собрании, которое состоялось в Пенсильванском университете, где присутствовало 200 молодых людей...

«...из 39 колледжей Филадельфии, Нью-Йорка и окрестностей, из Гарварда, Йеля, Калифорнийского университета в Беркли, а также из учебных заведений Среднего Запада.

Главной темой этой встречи стало то, что колледжи и университеты становятся в последнее время лишь придатками "финансового, индустриального и военного истеблишмента" и что студенты и преподаватели "проданы с потрохами" администрацией.

Среди положений манифеста – требования свободы устройства митингов любыми организациями, уничтожение платного образования, контроль исполнения законов со стороны студентов и преподавателей, закрытие военных кафедр, отмена клятв верности, контроль студентами и преподавателями содержания учебных программ...»

Порядок принятия этого манифеста совершенно великолепен: «Около 200 студентов прибыли на собрание, к его концу, когда был принят "Студенческий билль о правах", осталось 45». И что там говорилось о «демократических процедурах» и праве активистов волнений на звание голоса поколения?

Какое же значение придается студенческим волнениям прессой и теми, кого она цитирует? Для сегодняшней культуры не слишком характерна моральная отвага, но ни в одном из последних событий в такой неприкрытой, мерзкой степени не проявилась нравственная трусость. Большинство комментаторов не просто не имеет своего независимого взгляда на происходящее, не просто подпевает бунтовщикам, но и из всего того, против чего они выступили, решается поддержать и принять лишь самую поверхностную, самую малозначимую и, следовательно, самую *безопасную* жалобу: на то, что университеты становятся «слишком большими».

Как будто все разом обвелись мухоморов, «раздутость» университетов внезапно приобрела в глазах общественного мнения масштаб национальной проблемы и была провозглашена причиной «недовольства» студентов, мотивы которых восторженно принимались как юношеский «идеализм». Ведь нападать на «раздутость» всегда безопасно. А поскольку бессмысленная проблема *размера* уже давно служит способом откреститься от реальных проблем, к списку, в котором уже присутствовали «большой бизнес», «большие профсоюзы», «большое правительство» и т. д., присоединилось очередное понятие – «большой университет».

Более взыскательной аудитории социалистский журнал *The New Leader* (21 декабря 1964 года) предложил анализ с марксистско-фрейдистской точки зрения, назвав причиной волнений в первую очередь «отчуждение» (цитируя Савио: «Неким образом люди оказались отрезаны от чего-то») и «бунт поколения». («На глубинном, природном уровне смысл студенческого политического протеста сводится к сексуальному протесту против контроля университетской администрации, руководящей *in loco parentis*».)

Но приз за наилучшее выражение морально-интеллектуальной сущности современной культуры по праву принадлежит калифорнийскому губернатору Брауну. Не забывайте о том, что Калифорнийский университет – это государственное учебное заведение, что его попечители назначаются губернатором и что сам Браун, таким образом, был конечной мишенью мятежа и всех связанных с ним акций, начиная от применения насилия и заканчивая непристойными выражениями.

«Безопасно ли наше общество для студентов, имеющих собственные идеи? (Говорил губернатор Браун на университетском банкете. – А. Р.) Нет.

Студенты стали другими, но структура университета и его отношение к студентам не соответствуют изменившимся нынешним условиям.

Поэтому часть студентов чувствует, что они имеют право на выход за рамки закона для того, чтобы ускорить перемены. Но, поступая таким образом, они проявляют высшую степень идеологического лицемерия. (Курсив мой. – А.Р.) С одной стороны, они ссылаются на Конституцию Соединенных Штатов, требуя права на политическую активность. Но с другой стороны, они отрекаются от цивилизованных методов ведения дискуссии в пользу прямого действия.

Поступая так, они столь же неправы, как и университет. Перед нами, таким образом, встает серьезная проблема: необходимость перемен».

Отметьте тот факт, что губернатор Браун считается большой фигурой и серьезным противником для калифорнийских республиканцев. А еще то, что «согласно опросу общественного мнения в Калифорнии 74 % населения не поддерживают студентов, поднявших мятеж в Беркли». А теперь обратите внимание на то, что губернатор Браун не рискнул осудить движение под предводительством 45 студентов и счел необходимым дополнить термин «лицемерие» определением «идеалистическое», создав, таким образом, одно из самых странных словосочетаний в современном словаре.

Еще хотелось бы отметить, что во всей массе комментариев, аналитических материалов и интерпретаций (включая и внушительный обзор в *Newsweek*, где была приведена статистика по всем вообразимым аспектам жизни в колледжах) не обнаруживается ни единого слова о *содержании* современного образования, о *природе идей*, которые прививаются молодежи в современных университетах. Были подняты и рассмотрены все возможные вопросы, кроме того, *как учат думать студенты*. Совершенно очевидно, что это никто не решился обсуждать.

И именно об этом я предлагаю поговорить.

Если бы какой-нибудь драматург обладал возможностью превращать философские идеи в живых, реальных персонажей и попробовал бы создать человеческое воплощение современной философии, он получил бы «активистов» волнений в Беркли.

Эти «активисты» настолько полно, буквально, честно и ошеломляюще представляют собой производную современной философии, что впору воскликнуть, обращаясь к администрации и преподавательскому коллективу университета: «Братья, вы сами этого хотели!»

Человечество не должно ожидать, что можно остаться целым и невредимым после десятилетий воздействия интеллектуальных продуктов распада, например, таких как: «Разумом не постичь истинной природы вещей; реальность непознаваема; определенность невозможна; любое знание – не более чем вероятность; истина – то, что практически полезно; мысль – это суеверие; логика – это общественное удобство; этика – вопрос подчинения субъекта произвольно принятому постулату». Под их воздействием происходят мутации, продуктом которых и становятся те искаленные юные создания, которые вопят о том, что они не знают ничего, но хотят управлять всем.

Если бы наш драматург писал киносценарий, он имел бы полное право озаглавить его «Марио Савио, сын Иммануила Канта».

Если не брать в расчет редчайшие и не признаваемые академической средой исключения, философское «течение», которое затопляет сегодня каждую аудиторию, каждую учебную программу и каждый мозг, – это агностицизм, неприкрытый иррационализм и этический субъективизм. Мы живем в эпоху кульминации длительного процесса разрушения, мы достигли конца дороги, проложенной Кантом.

С тех самых пор, как Кант разлучил разум с реальностью, его интеллектуальные воспитанники продолжали усердно расширять эту пропасть. Во имя разума прагматизм провозгласил сиюминутный взгляд на вещи самым вдохновляющим, игнорирование контекста – пра-

вилом гносеологии, выгоду – принципом морали, а коллективный субъективизм – заменой метафизики. Логический позитивизм пошел еще дальше и, все так же во имя разума, поднял психогносеологию мелких крючкотворов до статуса научной системы, объявив, что знание состоит из манипуляций с языком. Приняв это всерьез, лингвистический анализ провозгласил, что задачей философии является не нахождение общих для всего бытия законов, а объяснение людям, что они имеют в виду, когда что-то говорят, потому что сами они никак не могут этого знать (это последнее к тому моменту действительно стало правдой – в философских кругах). Это стало последним выстрелом философии, которая далее оборвала канаты и улетела прочь, подобно воздушному шару, потеряв всякую видимость связи с реальностью и всякое отношение к проблемам человеческого существования.

Неважно, насколько старательно приверженцы таких теорий избегают любых упоминаний об отношении теории к практике; неважно, с какой застенчивостью они пытаются представлять философию салонной или школьной игрой; факт остается фактом: молодежь поступает в колледжи с целью приобретения *теоретических* знаний, которые направляли бы их *практические* действия. Учителя философии уклоняются от вопросов о приложении их идей к реальной жизни, отделяясь заявлениями типа «Реальность – бессмысленный термин» или утверждениями, что философия нужна лишь для того, чтобы развлекаться построением произвольных «моделей», или советами проверять каждую теорию методом «здравого смысла», – как будто забыв о тех бесконечных часах, что они потратили на попытки отказать этому понятию в праве на существование.

В результате студент выходит из современного университета, усвоив за несколько лет обучения следующие догмы: бытие – это неизведанные и недоступные для изучения джунгли; страх и неопределенность – естественные и постоянные состояния человека; скептицизм – признак зрелости; цинизм – признак реалистичного взгляда на мир... И самое главное: важнейший отличительный признак человека разумного – это отрицание разума.

Когда ученые мужи задумываются о практическом воплощении своих теорий, они сходятся в первую очередь в том, что неуверенность и скептицизм – это социально значимые черты, которые должны быть истоком терпимости к многообразию, гибкости, общественной «приспособляемости» и готовности к компромиссу. Некоторые доходят даже до того, что открыто заявляют, что ясность мысли – это признак диктаторской ментальности, а хронические *сомнения* – отсутствие твердых убеждений, нехватка абсолютных ценностей – это гарантия мирного, «демократического» общества.

Они ошибаются.

Считается, что кантовская дихотомия породила две линии кантианцев; все они принимают его основные постулаты, но избирают для себя противоположные стороны: одни выбирают разум и отвергают реальность, а другие выбирают реальность и отвергают разум. Первые оставляют мир на растерзание вторым.

Собрал же все то, что пытались сделать рационализаторы Канта, унаследовал безжизненные руины софистики, казуистики, стерильности и безграничной банальности, к которым они свели философию, *экзистенциализм*.

Экзистенциализм в принципе заключается в указании на современную философию и заявлении «Если *это* разум, то пошел он к черту!».

Невзирая на то, что прагматики-позитивисты-аналитики уничтожили мышление, экзистенциалисты считали их его защитниками, представляли их миру как пример рациональности, а сами вслед за этим полностью отвергли разум, объявив о его несостоятельности, протестуя против его «провала», призывая вернуться к реальности, к проблемам человеческого существования, к ценностям, к действию – к субъективным ценностям и бездумному действию. Во имя реальности они провозгласили моральное превосходство «инстинктивного»,

порывов, ощущений и когнитивные способности желудка, мышц, почек, сердца и крови. Это был бунт безголовых тел.

Но битва еще не окончена. Кафедры философии современных университетов стали полем сражения, которое фактически оказывается не более чем семейной ссорой между прагматиками и экзистенциалистами. А их последователи стали активистами студенческого мятежа.

Если эти активисты избрали политику «сначала делать, а потом раздумывать о своих действиях», разве это не прагматизм научил их тому, что истину следует определять по ее последствиям? Если они «вряд ли способны сформулировать или последовательно выступать за какую-либо систематизированную политическую теорию общества» и тем не менее вопят с сознанием собственной правоты, что намерены достичь своих социальных целей при помощи насилия, разве не логический позитивизм научил их тому, что этические положения не имеют когнитивного смысла, а являются лишь отображением чьих-либо чувств или эквивалентом эмоционального семьяизвержения? Если они варварски слепы ко всему, кроме данного момента, разве не логический позитивизм внушил им то, что ничто другое не может считаться доподлинно существующим? И если лингвистический анализ занят демонстрацией того, что «кот на ковре» *не* означает, что «ковер» – это признак «кота», а также того, что «кот» равен «на ковре», что удивительного в том, что студенты штурмовали кампус Беркли с плакатами, гласящими: «Драться сейчас, думать потом!»? (Этот лозунг приводит профессор Петерсен в *Columbia University Forum*.)

14 июня CBS показало запутанный, бессвязный, малопонятный – и именно поэтому настоящий и значимый – документальный фильм под названием «История Беркли» (*The Berkley Story*). В любом безумии есть свой метод – и для тех, кто знаком с современной философией, этот фильм был похож на демонстрацию отразившихся в случайных зеркалах искаженных образов и смутного эха кровавой бани, происходящей в академических пыточных камерах разума.

«У нашего поколения нет идеологии», – заявляет первый мальчишка, у которого берут интервью, с таким вызовом и ненавистью, с какими раньше выкрикивали «Долой Уолл-стрит!». Это явно свидетельствует о том, что его сегодняшний враг – это *мысль*. У старшего поколения, презрительно поясняет он, имеется «маленькая хорошенькая пилюлька» на любой случай, но эти пилюльки больше не помогают, и «их сердца оказываются разбиты». «Мы не верим в пилюли», – говорит он.

«Мы поняли, что не существует никаких абсолютных правил», – говорит девушка, поспешно и как будто оправдываясь, словно вызубренную аксиому, и продолжает неразборчиво объяснять, помогая себе жестами, что «мы сами придумываем для себя правила», и то, что правильно для нее, вовсе не обязательно должно быть правильным для остальных.

Девушка описывает свое обучение как «слова, слова, слова, бумажки, бумажки, бумажки» и тихонько, с оттенком настоящего отчаяния, рассказывает, что иногда она останавливалась и думала: «А что я здесь делаю? Я же ничему не учусь».

Напористая девица, которая говорит цветисто, но никогда не заканчивает фраз и ничего не утверждает, осуждает общество в целом, пытаясь сказать, что поскольку человек – это продукт общества, значит, общество плохо выполняет свою работу. Посередине предложения она вдруг замолкает и, как будто между делом, вставляет ремарку: «Что бы из меня ни вышло, я все равно продукт», – после чего продолжает излагать свою мысль. Она произносит это с наивной убежденностью вдумчивого ребенка, признающего очевидный факт природы. Это не поза: бедняжка действительно искренне в этом уверена.

Беспомощное непонимание, появляющееся на лице комментатора Гарри Ризонера, когда он пытается подвести итог тому, что только что было показано, – красноречивое свидетельство того, почему пресса оказалась неспособна адекватно отразить студенческие волнения. «Сей-

час – немедленно – любую ситуацию нужно разрешать *сейчас же*», – скептически говорит он, поясняя настроения бунтовщиков, не выражая ни восхищения, ни осуждения, отчасти удивленным, отчасти беспомощным тоном человека, который не может поверить в то, что видит перед собой дикарей, носящихся по территории одного из крупнейших университетов Америки.

Таковы продукты современной философии. Это студенты, которые слишком умны, чтобы не видеть логических последствий тех теорий, которым их учили, но ни умны, ни независимы настолько, чтобы видеть эти теории насквозь и отречься от них.

Поэтому они выкрикивают свой вызов «системе», не понимая, что они – самые что ни на есть верные и послушные ее ученики, что их бунт – это бунт против ее интеллектуальной «элиты», которая проглотила все затертые идеи «либералов» 1930-х годов, в том числе и крылатые фразы об альтруизме, преданности «угнетенным» и такому *удобному* делу, как «борьба с нищетой». Восстание под лозунгами, не содержащими ничего, кроме банальностей, – не слишком убедительное и не слишком вдохновляющее зрелище.

Как в любом другом общественно-политическом движении, здесь можно обнаружить переплетение целого ряда мотивов: к нему примкнули и юные интеллектуалы-крючкотворы, нашедшие золотую жилу в современной философии, обожающие споры ради споров и разбивающие оппонентов в пух и прах парадоксами, которые всегда готовы у них для такого случая; и актеры, которым нравится представлять себя героями и бросать всем вызов просто из любви к процессу; и нигилисты, которые, движимые крайней злостью, стремятся лишь к разрушению ради разрушения; и те, у кого никогда не было собственного мнения и которые всегда ищут толпу, к которой можно «примкнуть»; а также обыкновенные хулиганы, от которых никуда не деться, которые всегда тут как тут при любых массовых событиях. Чего бы мы еще ни обнаружили в этой свалке мотиваций, на всем движении большими буквами написано «*невроз*», потому что невозможно дойти до отрицания разума из-за какой-нибудь невинной ошибки в познании. Теории современной философии могут быть лишь щитом, механизмом защиты, попыткой придать неврозу смысл, а могут отчасти являться и его причиной, но бесспорным остается одно: современная философия уничтожила в этих студентах все лучшее и взлелеяла все худшее.

Молодежь ищет всеобъемлющую картину мира, то есть философию, она ищет смысл, цель, идеалы, – и большая ее часть принимает то, что есть в наличии. Именно в юности большинство людей пытается найти философские решения и установить собственные принципы на всю оставшуюся жизнь. Некоторые так и не доходят до этого этапа, некоторые не прекращают поиски никогда; но разум большинства открыт философии лишь на протяжении нескольких кратких лет. Именно это большинство и оказывается вечными, хотя и не невинными жертвами современной философии.

Эти люди не являются независимыми мыслителями или изобретателями новых идей; они неспособны адекватно реагировать на современные софизмы. Поэтому кто-то из них после одного или двух не поддающихся перевариванию блюд сдается, решив, что мышление – это пустая трата времени, и превращается к 25 годам в сонного циника или отупевшего конформиста. Другие принимают то, что им говорят, причем принимают слепо и *буквально*, – это нынешние активисты. И какое бы сплетение мотивов ни управляло ими в настоящий момент, любой учитель современной философии в их присутствии должен испытывать суеверный страх, если, конечно, он еще способен осознавать, что это он, воспользовавшись их шатким и хрупким стремлением к идеалам, превратил их в отвратительных мелких монстров.

А что же случается в современных университетах с лучшими умами, с теми студентами, интеллектуальный уровень которых выше среднего и которые по-настоящему стремятся к знаниям? Они вынуждены терпеть медленную пытку.

Гносеологические стандарты и методики преподавания любых дисциплин, как естественных, так и гуманитарных, формируются под влиянием, прямым или косвенным, философии. В результате мы имеем хаос субъективных прихотей, на основании которых формируются критерии логики, общения, представления, доказательства, выводы, оказывающиеся совершенно разными в разных школах и у разных преподавателей. Я не имею в виду различия во взглядах или в содержании учебных курсов, я говорю об отсутствии *базовых принципов познания* и вытекающей отсюда неразберихе в приемах мышления, которые должен усвоить мозг студента. Это все равно что читать каждый курс на своем языке, требуя, что каждый *думал* исключительно на нем, но даже не предоставляя словаря. Результат – интеллектуальный распад.

Кроме того, противодействие «построению системы», то есть интеграции знаний, приводит к следующему: то, что сообщают студентам на занятиях по одному предмету, противоречит тому, что им сообщают другие преподаватели на других предметах, каждый предмет повисает в пустоте, и студенты вынуждены принимать все, что узнают от преподавателя, в отрыве от контекста, а любые вопросы о том, каким же образом собрать все знания в единую картину, отклоняются, высмеиваются и объявляются несущественными.

Добавим: произвольно подобранное, бессмысленное, бессистемное содержание большинства учебных планов, отсутствие любой иерархической структуры знания, любого порядка, последовательности или логического основания; случайный набор предметов, посвященных вырванным из контекста частностям и ни с чем не связанным исследованиям; всеобъемлющую невразумительность; самоуверенную иррациональность; и, как следствие, необходимость вызубривать, вместо того чтобы узнавать, пересказывать, вместо того чтобы понимать, удерживать в голове какофонию непонятных терминов на время, необходимое для сдачи очередного экзамена.

И еще отметим профессоров, которые отказываются отвечать на вопросы; профессоров, заменяющих ответы отговорками и насмешками; профессоров, превращающих свои занятия в посиделки на основании того, что «мы здесь для того, чтобы поразмыслить над этим вместе»; профессоров, которые *читают* лекции, но не придерживаются никаких концепций, не выражают никаких взглядов и бросают студентов в лабиринт противоречий, не дав никакой путеводной нити; профессоров, которые *придерживаются* какой-то концепции и приглашают студентов высказывать свое мнение, а затем наказывают вольнодумцев низкими отметками (особенно в курсах, связанных с политикой).

И наконец, укажем на моральную трусость большинства представителей администрации университетов, политику постоянного морального нейтралитета, всеобщего компромисса и уклонения любой ценой от всех конфликтных ситуаций. В результате студенты понимают, что любая совершенная в учебной аудитории несправедливость останется безнаказанной, что протестовать бессмысленно, а искать защиты не у кого.

Да, несомненно, существуют и исключения: среди университетских сотрудников *есть* компетентные преподаватели, блестящие умы и мыслящие личности, но они захлебываются в безбрежном «потоке» иррациональности и в конце концов теряют всякую надежду на лучшее.

Более того, большинство представителей как профессуры, так и администрации индивидуально куда более квалифицированы и разумны, чем в коллективной деятельности. Большая их часть сознает и частным образом сожалеет о порочности современного мира образования. Но каждый из них ощущает личное бессилие перед масштабом проблемы. Поэтому они винят во всем какую-то безымянную, бесформенную, почти мистическую силу, которую называют «системой», причем очень многие из них воспринимают ее как *политическую* систему, более конкретно – капитализм. Они не осознают, что существует лишь одна отрасль человеческого знания, которая дает человеку инструменты для решения крупномасштабных проблем, которая обладает властью объединять и сплавлять воедино все виды человеческой деятельности,

и эта отрасль знания – *философия*, которую они в используют как инструмент дезинтеграции и разрушения.

Как влияет все это на лучшие умы среди студенчества? Подавляющее их большинство терпят обучение в колледжах, стиснув зубы, словно дожидаящиеся окончания тюремного срока заключенные. Психологические травмы, которые они получают в процессе, трудно переоценить. Тем не менее они изо всех сил борются за сохранение способности мыслить, смутно осознавая, что вся эта пытка предназначена именно для уничтожения этой способности. Чувства, которые они испытывают по отношению к своему учебному заведению, могут меняться от недоверия и раздражения до презрения и ненависти, смешиваясь с ощущением крайнего утомления и мучительной скуки.

В различной степени эти чувства разделяются всем студенческим сообществом. Именно *поэтому* бунтовщики из Беркли смогли привлечь на свою сторону тысячи студентов, которые вначале даже не понимали сущности того, к чему они присоединяются, и которые пошли на попятный, как только истинные цели «революционеров» стали очевидными. Этими студентами двигало крайнее, невыносимое разочарование, потребность в протесте – не вполне понятно, против чего, – и инстинктивное стремление хоть как-нибудь навредить университету.

Разговаривая с небольшой группой интеллектуально продвинутых студентов одного из лучших университетов Нью-Йорка, которые идеологически были против бунтовщиков, я спрашивала у них, стали бы они защищать администрацию, если бы беспорядки начались у них в кампусе. Все они отрицательно качали головами и слабо, мудро и горько улыбались.

Причина того, почему никто из взрослых и обладающих определенной властью людей – ни администрация Беркли, ни общественные комментаторы, ни журналисты, ни губернатор Браун – не смог занять твердую позицию и дать разумный отпор бунтовщикам, заключается в философском бессилии старшего поколения. Если принимать положения современной философии, логика была на стороне зачинщиков беспорядков. Чтобы адекватно ответить на их провокации, требовалось *полное* переосмысление своей философской позиции, вплоть до самых основ, на которое, конечно же, не решился никто из этих взрослых людей.

Отсюда демонстрация грубой силы, бандитские методы и воинствующая иррациональность, принесенные в университетский кампус и встреченные там расплывчатыми, неопределенными, извиняющимися уступками, общими словами и уклончивыми банальностями так называемых защитников академического права и порядка.

В цивилизованном обществе заявление студента о том, что он отказывается от рационального мышления и намерен действовать за пределами норм рассудка, посчиталось бы достаточным основанием для немедленного отчисления, а тем более в том случае, если бы за этим последовало участие в массовых беспорядках и насилии на территории университета. Однако современные университеты давно потеряли моральное право негативно реагировать на первое и, таким образом, стали бессильны против второго.

Студенческие волнения – красноречивая демонстрация того факта, что, когда человек отказывается от разума, он открывает дверь физическому насилию как единственной альтернативе.

Эти волнения, кроме того, являются одним из самых убедительных возражений тем интеллектуалам, которые заявляют, что скептицизм и хроническое сомнение могут привести к общественной гармонии.

«Когда люди принижают свои добродетели до относительных, зло обретает силу абсолюта, когда добродетельные отказываются от верности неуклонной цели, ее принимают негодяи. И вы получаете постыдное зрелище

раболепствующего, торгующегося, вероломного добра и самодовольного, бескомпромиссного зла»².

Кому выгодны эти беспорядки? Ответ кроется в природе и целях их вожаков.

Если рядовых сторонников студенческого движения можно считать жертвами – хотя бы некоторых из них, – то этого никак нельзя сказать о его лидерах. Кто же они, эти лидеры? Всевозможные группировки тоталитарно-коллективистской направленности, которые кружат, словно стервятники, над останками капитализма, в надежде пожить чем-нибудь на его костях и, насколько возможно, ускорить его окончательное разложение. Их программа минимум – просто «устраивать беспорядки»: подрывать, смущать, деморализовывать, ломать. Их программа максимум – прийти к власти.

Для таких лидеров поднявшиеся на бунт студенты – не более чем пушечное мясо, функции которого – высовывать из толпы свои безголовые шеи, устраивать потасовки на территории университетов, отправляться по тюрьмам, губить свою карьеру и свое будущее, а со временем, если лидеры преуспеют, выйти с оружием на улицы и проститься со своими «неабсолютными» жизнями, вымостив собой путь к абсолютной диктатуре тому, кто окажется самым кровожадным из кучки головорезов, грызущихся за власть. Юные глупцы, отказывающиеся заглянуть за рамки конкретного «сейчас», никак не могут знать, чьим долгосрочным целям они служат.

В этом замешаны и коммунисты, но, в отличие от прочих, они являются лишь манипуляторами, а не источником студенческих волнений, что в очередной раз доказывает: если они побеждают, это происходит опосредованно – как у микробов, благоденствующих на ранах распадающегося тела. Не они создавали условия, при которых началось разрушение американских университетов, не они собрали толпы обозленных, не видящих цели, невротичных подростков, – но они прекрасно осведомлены о том, как проникать в организм через язвы, которых их оппоненты предпочитают не замечать. Это профессионалы идеологии, и для них не представляет труда занять интеллектуальный вакуум и загнать в угол трусливых защитников «анти-идеологии» при помощи их же собственных противоречий.

Для пестрой левацкой верхушки студенческие беспорядки – это пробный шар, своего рода измерение культурной температуры общества. Это проверка пределов, до которых они могут безнаказанно дойти, и сил противника, с которыми им придется столкнуться.

Для остальных же граждан это предварительный просмотр на малом экране – в микрокосмосе научного мира – событий, которые могут ожидать в будущем всю страну, если сегодняшние культурные тенденции сохранятся без изменений.

То, что происходит в университетах, зеркально отображается в масштабах всего государства. Современная философия на практике породила смешанную экономическую модель с ее моральным нигилизмом, сиюминутным прагматизмом, безыдейной идеологией и поистине постыдным изобретением «консенсусного правления».

Правление групп влияния – это всего лишь прелюдия, подготовка общества к правлению толпы. Когда страна уже смирилась с уничтожением моральных принципов, прав личности, объективности, правосудия, разума и покорила власти легализованной грубой силы, исключения понятия «легализации» тоже остается недолго ждать. Кто будет противиться этому и во имя чего?

Когда нравственность подменяется цифрами и ни один гражданин не может требовать соблюдения своих прав, зато любая партия может требовать всего, чего ей вздумается; когда единственная политика, которой можно ждать от властей, – это политика *компромисса*, а их единственная цель – сохранение имеющейся «стабильности» любой ценой, победителем становится тот, чьи требования оказываются наиболее несправедливыми и иррациональными; сама

² Рэнд А. Атлант расправил плечи: В 3 ч. – 6-е изд. – М.: Альпина Паблишерз, 2011. – Ч. III. – С. 406.

система способствует этому. Если бы в мире не существовало коммунистов или каких-нибудь других политических бандитов, такая система создала бы их сама.

Чем более чиновник предан политике компромисса, тем менее он способен чему-либо противостоять: в случае любой опасности его «инстинктивная» реакция и принцип действия – уступить, благодаря чему он становится легкой добычей.

Приняв в расчет эти соображения, мы увидим, что крайнюю степень простодушия и поверхностности проявили комментаторы, которые выражали удивление тем, что активисты студенческого движения избрали в качестве начального плацдарма для своих действий именно Беркли, а в качестве первой мишени – президента Керра, *вопреки* его репутации «либерала» и известного специалиста по урегулированию конфликтов. «Странно, но некоторые из менее опытных студенческих ораторов... пытались представить господина Керра нетерпимым и жестким администратором, – говорится в редакционной статье в *The New York Times* от 11 марта 1965 года. – Само собой, это выглядело совершенно нелепо, принимая во внимание то, как долго и отважно он боролся за университетские свободы и права студентов в непростой обстановке постоянного давления со стороны правых, которые всегда были крайне влиятельны в Калифорнии». Другие комментаторы рисуют мистера Керра невинной жертвой, оказавшейся между двух огней в схватке «консерваторов» попечительского совета и «либералов» преподавательского состава. Но ведь фактически и логически средний путь и не может вести ни к какому другому конечному пункту; так что совершенно ясно, что бунтовщики избрали Кларка Керра своей первой мишенью не *вопреки*, а *благодаря* его репутации.

А теперь попробуйте представить, что будет, если методику беспорядков в Беркли применить в национальном масштабе. Как бы фанатично ни верили адепты компромисса в то, что только с его помощью можно удовлетворить всех, на самом деле все происходит наоборот; компромисс приводит не к всеобщему счастью, а к всеобщему разочарованию; те, кто пытается стать всем для всех, оказывается никем ни для кого. Более того: если неправомерные требования оказались удовлетворены хотя бы частично, это придает требующим смелости идти дальше; если же справедливые требования остались хотя бы частично неудовлетворенными, пострадавший теряет решимость и желание бороться. Если целеустремленная, дисциплинированная партия сторонников тоталитарного правления решится бросить свои силы на ветхие развалины смешанной экономики, смело и открыто проповедуя принципы коллективизма, которые по молчаливому согласию уже давно приняты страной, то кто окажет ей сопротивление? Подавленное, деморализованное, озлобленное большинство продолжит пребывать в летаргическом безразличии, с которым оно встречает все происходящее в обществе. А многие встанут под знамена этой партии, вначале просто ради того, чтобы вырваться из бессмысленного круга разочарований, самовыразиться через протест – неважно, какого сорта, – удовлетворить подсознательную жажду любого действия, которое способно пробить брешь в удушающей безнадежности *статус-кво*.

Найдется ли хоть кто-то, кто ощутит нравственный подъем и готовность сражаться за «консенсус»? Был ли кто-нибудь готов до победного конца сражаться за правительство Керенского в России, или Веймарской республики в Германии, или за Национальное правительство в Китае?

Но как бы ни была деморализована и философски разоружена страна, для того, чтобы ее можно было заставить сменить частичную свободу на полноценную диктатуру, общество должно достичь определенной критической точки. В *этом* и состоял главный идеологический замысел лидеров студенческого восстания: *подготовить страну к признанию силы как метода разрешения политических противоречий*.

Взгляните на то, какие идеологические прецеденты стремились создать бунтовщики из Беркли: все они так или иначе были связаны с аннулированием прав и пропагандой насильственных действий. Все эти идеи выражались совершенно открыто, однако на их сущность не

обратили должного внимания, и по большей части никакой реакции на них со стороны общест-
венности не последовало.

Главной проблемой стала попытка заставить страну признать *массовое гражданское неповиновение* приемлемым и действенным инструментом политической деятельности. Эта попытка была далеко не первой, подобное многократно происходило в связи с движением за гражданские права. Но ситуации в прошлом существенно отличались от сегодняшней: негры *действительно* были жертвами легализованной несправедливости, и таким образом нарушение правопорядка было не столь категорически явным. Люди воспринимали его как метод борьбы за равноправие, а не как выступление против закона.

Гражданское неповиновение может быть в некоторых случаях оправданно – когда гражданин не соблюдает закон с целью довести дело до суда и создать прецедент. Подобные действия подразумевают уважительное отношение к правопорядку, а протест направлен исключительно на конкретный закон, несправедливость которого гражданин ищет возможность доказать. То же самое верно и в случае участия в деле группы граждан, если они берут на себя всю ответственность и весь риск и их действия никак не могут повлиять на других людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.